

«Первом введении в критику способности суждения», которое философ начал писать в 1789 г., вслед за выходом «Критики практического разума», способность суждения и искусство, с одной стороны, и нравственность — с другой, были разведены по разным этапам сложившейся системы критической философии (см. 5, 153). В самой же «Критике способности суждения» проводится четкое различие между эстетическим суждением и нравственностью по самой их структуре (см. 5, 376). Но здесь же Кант утверждает: «Прекрасное есть символ нравственно доброго» (5, 375), а также то, что «вкус делает возможным как бы переход от чувственного возбуждения к ставшему привычным моральному интересу, без какого-либо насильственного скачка...» (5, 377). Ведь и нравственность, и прекрасное причастны, хотя и по-разному, к целесообразности и свободе. В возвышенном, как уже отмечалось, связь эстетического с этическим очевидна.

Уже в «Критике практического разума» идут поиски связи между «миром природы» и «миром свободы», гармонию между которыми не дает теоретический разум (см. 4(1), 480—481). Эту связь Кант обнаруживает в своей эстетике, которая логически в его системе предшествует этике, а исторически, как мы стремились показать, надстраивается над ней.

¹ В письме Карлу Леонарду Рейнгольду от 28—31 декабря 1787 г. Кант пишет о посылке ему «Критики практического разума» и в то же время сообщает о своей работе над «Критикой вкуса», в которой он открыл новый род принципа а priori — принцип, лежащий в основе чувства удовольствия и неудовольствия (см.: Kant Immanuel. Briefwechsel. Felix Meiner Verlag. Hamburg, 1972, S. 335).

² См.: Столович Л. Н. Место «Тартуской рукописи» Канта в его эстетическом учении // Философские науки. 1986. № 1.

³ См.: Асмус В. Ф. Немецкая эстетика XVIII века. М., 1962. С. 166—168.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 476.

⁵ «Возвышенное, первоначально рассматриваемое Кантом в узких, чисто количественных рамках, пройдя через купель нравственности, обретает для человека безграничные духовные потенции. Наличие морального закона в каждом из нас создает условия общего для людей наслаждения возвышенным» (Гулыга А. Кант. М., 1981. С. 189).

ИММАНУИЛ КАНТ И НЕМЕЦКАЯ НАУКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА (Г. Ф. МАРТЕНС И И. Я. МОЗЕР)

Ю. Я. Баскин
(Ленинградская высшая партийная школа)

Вторая половина XVIII века — один из наиболее ярких периодов в духовной жизни Германии — оказалась вместе с тем и временем формирования здесь науки международного права как самостоятельной области юридического знания. Именно в эти десятилетия наиболее активно развивается процесс ее от-

деления от философии права и собственно философского знания. Видную роль в нем сыграли современники Канта Георг Фридрих Мартенс и Иоганн Якоб Мозер. Теоретические позиции обоих крайне скупо и порою недостаточно справедливо освещены в советской литературе (при этом без достаточного анализа их собственных произведений). А между тем они, несомненно, заслуживают внимания. Рассмотрим их специально в связи с общей проблемой соотношения философского и собственно юридического подходов к международному праву. При этом нам представляется, что весьма интересным будет сравнение их с учением Канта.

Как известно, юридические вопросы занимали видное место в кантовской философии, составляя неотъемлемую часть ее системы. Кант был хорошо знаком с юридической литературой и неоднократно обращался к ней в своих сочинениях. В его работах мы находим ссылки на произведения античных авторов, а также юристов нового времени. Неоднократно он давал им свою, весьма глубокую оценку. Приведем в качестве примера его высказывание о взглядах Г. Ахенваля, данное в 1793 г.: «Однако я знаю людей, достойных всякого уважения, которые при определенных обстоятельствах признают за подданными право сопротивления властям; к ним я отношу Ахенваля, столь осторожного, положительного и умеренного в своем учении о естественном праве» (4(2); 91). Любопытно, что сам Г. Ахенваль был зятем И. Я. Мозера — теоретического оппонента Канта (см. о нем далее).

Среди различных отраслей права наибольшее внимание Канта привлекали государственное, уголовное и особенно международное право. В связи с интересующей нас проблемой напомним, что последнее, по мысли Канта, составляет часть права естественного. Отметив, что все народы, «как дети одной матери», равны между собой и «составляют как бы одну семью» (см. 4(2); 269), он пишет, что «одно государство, рассматриваемое как моральное лицо», находится по отношению к другому «в состоянии естественной свободы» (там же, 470). Далее Кант приходит к выводу, что «международное право содержит в себе лишь то, что отличает право народов от права естественного состояния людей или семей». Причем эти отличия «могут быть выведены из понятия естественного состояния» (там же).

Как же относился к этой позиции Г. Ф. Мартенс — наиболее выдающийся немецкий юрист-международник XVIII — начала XIX веков? Оценка его философских и теоретических взглядов до сих пор вызывает серьезные споры в исследованиях по истории международного права. Возможно, что эти различия вызваны и собственными позициями авторов, и тем, что сам Г. Ф. Мартенс не всегда был последователен в своих высказываниях. Многие авторы склонны видеть в нем право-

верного сторонника Гуго Гроция, т. е. человека, считавшего, что международное право, имея своим основанием право естественное, не есть его часть в собственном смысле слова, что оно вполне самостоятельно¹. Другие, наоборот, характеризуют его как одного из основателей собственно позитивного (или историко-позитивного) направления в юриспруденции². Третьи идут еще далее и видят в Г. Ф. Мартенсе предшественника исторической школы права³. При этом, к сожалению, большинство авторов (в том числе и советских) не обосновывают свое мнение прямыми ссылками на произведения немецкого юриста. Постараемся восполнить этот пробел, обратившись, прежде всего, к наиболее авторитетной и долгое время очень популярной работе Георга Фридриха Мартенса «Очерк современного европейского права народов». При жизни автора «Очерк...» трижды (в 1789, 1801 и 1820 гг.) выходил на французском языке, в 1795 г. был издан по-английски, а в следующем, 1796 г., переработан и вышел в свет в Германии. Книга эта неоднократно публиковалась и в XIX веке.

Свои теоретические рассуждения автор начинает с того, что свобода есть необходимое качество человека, основной закон его существования⁴. Поэтому свобода есть основа «абсолютного» естественного права, которое в целом покоится на нормах общечеловеческой морали. Но Г. Ф. Мартенс не отождествляет право с моралью. Следуя Канту, заслуги которого он специально отмечает⁵, немецкий юрист решительно высказывается против этой, столь распространенной в XVII—XVIII веках точки зрения. Ход его рассуждений может быть в основных моментах представлен в такой последовательности: мораль — свобода — абсолютное естественное право — позитивное право в целом — отдельные отрасли позитивного права. Но, соглашаясь с Кантом в принципе по вопросу о разграничении права и морали, основания этого разграничения Г. Ф. Мартенс видит не в том, что мораль составляет внутреннюю область жизни человека, а право — внешнюю, а в способах их обеспечения. Различие морали и права он поясняет так: нарушение права дает потерпевшему основание для правомерного («законного») сопротивления тому, кто на него посягнул. Нарушение же морали такой возможности за собой не влечет. Результатом отступления (нарушения) моральных норм становится лишь «совершение греха». Конечно, известное сходство мнений здесь может быть обнаружено, так как грех тоже есть область внутреннего переживания; но он может иметь своим последствием и внешние последствия, чего у Канта в отношении морали нет и на что особенно обращает внимание Г. Ф. Мартенс. Кроме того, нельзя не заметить, что у него религиозный момент (и здесь, и в других вопросах) занимает значительно большее место. Г. Ф. Мартенс — ортодоксально религиозный человек.

Но пойдем далее. По Г. Ф. Мартенсу, естественное право,

хотя и абсолютно, не обеспечивает само по себе обязательности соблюдения его норм. Именно для реализации и защиты естественного права возникают народ (нация), а затем и государство как «моральные персоны»⁶. Последнее обладает высшей, суверенной властью, которая есть результат соединения власти и воли всех членов союза (подданных, граждан). Суверенная власть возникает при переходе от естественного состояния к гражданскому. До этого ее не существует, и поэтому неверно говорить, что личность в естественном состоянии суверенна. Высшая власть делится на законодательную, юридическую (судебную) и исполнительную.

Обладая особым качеством суверенности, государство в международных отношениях оказывается в положении, подобном тому, которое занимает индивид в естественном состоянии. Но, подчеркнем еще раз, — лишь в подобном, но никак не тождественном. Полной аналогии, а тем более совпадения, здесь нет и быть не может именно потому, что международное право уже не есть право естественное. Оно основано на явно выраженном (договор) или молчаливом (обычай) соглашении сторон — участников международного общения, не подчиненных ничьей воле или власти. Суверенитет государства (государя) неотделим от него, и в этом смысле он может быть сравнен со свободой личности. И то, и другое может быть лишь ограничено нормами действующего права. Это положение заслуживает особого внимания, так как свидетельствует об установлении автором качественного отличия субъектов международного и внутригосударственного права.

Выдвинув на первый план в качестве источников международного права договор, а также обычай, Г. Ф. Мартенс, конечно, выступает как сторонник юридического позитивизма. Но на этом анализ проблемы у него не заканчивается. Дело в том, что он все же допускает действие «естественного закона». Значение позитивного права состоит в том, что оно «смягчает» этот закон, конкретизирует и развивает его. Оно стоит как бы между естественным законом и конкретными правомочиями и обязанностями субъектов. То, что субъект может иметь на основе естественного закона, он реально получает только через нормы позитивного права⁷.

Другое весьма существенное отличие от теории Канта состоит в понимании будущности международного права. Кант признавал возможность всемирного права и приветствовал его наступление, хотя и в далеком будущем. Он писал: «Это право, поскольку оно имеет в виду возможное объединение всех народов (установления) определенных всеобщих законов их возможного общения, можно назвать правом гражданина мира (*ius cosmopolitanum*)» (4(2); 279). Совершенно иначе подходит к этой проблеме Г. Ф. Мартенс. Он не верит даже в возможность создания единого международного права, охватывающего сво-

ими нормами все народы (государства) мира. Самое большее, что признает юрист-международник — это наличие достаточно большой общности норм, встречающихся в соглашениях и обычаях отдельных государств. Эта повторяемость свидетельствует, по его мнению, о наличии единых принципов, можно сказать — общности и единства правосознания, но отнюдь не действующих и обязывающих *все* государства правовых норм. Такая постановка, конечно, противоречит идеям естественного права, и, вероятно, у Г. Ф. Мартенса она выступает особенно четко. Именно это обстоятельство и не позволяет его считать сторонником Г. Гроция, писавшего, что право народов «имеет источником самую природу», и видевшего в ней источник действующего права⁸. В философском же плане интересно еще и то, что Г. Ф. Мартенс, хорошо знавший труды Канта, в своих работах практически не обращается к идее категорического императива. Между тем ясно, что для Канта общечеловеческое единство и право «гражданина мира» как раз и имеет своей глубинной основой это безусловное моральное требование. Категорический императив есть в конечном счете то, что требует установления вечного мира и мирного сотрудничества государств. Но этот высший гуманистический идеал не присущ Г. Ф. Мартенсу. Современник Великой французской революции, участник Венского конгресса 1815 г., он, как юрист и дипломат-практик, не разделял утопии своего великого современника. Реализм Г. Ф. Мартенса не позволил ему подняться над общепризнанными, т. е. закрепленными в договорах и обычаях, нормами международного права своего времени. Поэтому и война для Г. Ф. Мартенса есть длительное состояние неограниченных насильственных действий⁹. Она — факт, но не право. Конечно, это не освобождало от введения норм, смягчающих участь воюющих, особенно раненых и больных, а равно пленных. Однако разница в подходах совершенно очевидна.

Такова, в самых основных моментах, позиция Г. Ф. Мартенса по вопросам о сущности и будущем развитии международного права, рассмотренная нами в сравнении с философским учением Канта. В заключение будет небезынтересно сравнить ее со взглядами И. Я. Мозера — наиболее строгого и последовательного сторонника немецкого юридического позитивизма в XVIII веке. Это тем более полезно, так как его влияние на Г. Ф. Мартенса несомненно.

Обращаясь к этому вопросу, мы не без удивления обнаруживаем, что и сам основатель позитивного направления в Германии отнюдь не чурался естественного права. Авторитет и традиции этого направления были тогда столь велики, что полностью игнорировать его идеи не решался практически никто. Поэтому И. Я. Мозер различал: 1) божественное (*Göttlich geschriebenes*) международное право; 2) естественное международное право; 3) позитивное международное право, обяза-

тельность которого основана на соглашениях сторон, выраженных в договорах, и 4) позитивное международное право, обязательность которого основана на справедливости и обычаях¹⁰. Но при этом два первых вида права не есть собственно действующее право. Первое из них даже не область юридической действительности, но область веры, богословия. Второе следует трактовать, скорее, как правовое убеждение субъектов. Сам И. Я. Мозер даже употребляет выражение «резонирующее» право. Реально действуют в международных отношениях лишь два последних вида права.

Дело в том, что, по И. Я. Мозеру, правила, основанные непосредственно на природе разума, «беспомощны» в юридическом смысле¹¹. Поэтому, отметим еще раз, только те правовые нормы, которые основаны на недвусмысленном согласии субъектов, и составляют собственно международное право. Именно ему и посвятил всю свою долгую (он прожил 84 года) и полную трудов жизнь И. Я. Мозер, после смерти которого осталось около 500 томов научного и литературного наследства. Правда, при жизни И. Я. Мозера значение выдвинутого им подхода не было оценено по достоинству, хотя и нельзя сказать, что он не пользовался достаточно широкой известностью¹². Но история буржуазной науки международного права рассудила иначе — со второй четверти XIX века историко-позитивное направление стало в ней господствующим. При этом — в значительной мере благодаря усилиям Г. Ф. Мартенса, смягчившего крайности юридического позитивизма и вместе с тем своим изданием трактатов, продолжавшимся целое столетие, создавшим мощную источниковедческую базу. В этом плане авторитет Г. Ф. Мартенса был и останется непререкаемым. Только после 1919 г. Секретариат Лиги Наций, а затем ООН смог создать нечто, заменившее это собрание трактатов, сохраняющее свое значение до наших дней.

Успехи позитивизма, несомненно, способствовали развитию научного знания, переходу от абстрактных постулатов, основанных на «природе вещей», к изучению всего многообразия международно-правовой жизни. Но эта победа была достигнута дорогой ценой: с середины XIX века философские основы науки международного права оказались выхолащенными. О них либо вообще умалчивали, либо строили на весьма эклектических основаниях, лишенных глубины кантовской философии.

¹ Nys E. Le droit international. Paris, 1912. Т. 1. Р. 272. Коровин Е. А. История международного права. М., 1946. Вып. 1. С. 102; Международное право/Ред. В. Н. Дурденевский и С. Б. Крылов. М.: Юрид. изд.-во, 1947. С. 61; Международное право/Отв. ред. Д. Б. Левин и Г. П. Калюжная. М.: Юрид. лит.-ра, 1964. С. 34; Курс международного права/Ред. В. М. Чхиквадзе и др. М.: Наука, 1967. Т. 1. С. 52 и др.

Впрочем, А. Фердросс считает даже, что основной труд Г. Ф. Мартенса «построен на естественно-правовых воззрениях» (см.: Фердросс А. Международное право. М.: Изд.-во иностр. лит.-ры, 1959. С. 77).

² Handbuch des Völkerrechts/Hrg. Fr. von Holtzendorf, Hamburg, 1885. Bd. 1. S. 465; Ривье А. Учебник международного права. М., 1893. С. 41 («прежде всего он позитивист»); Гефтер А. Европейское международное право. Спб., 1880. С. 27; Захаров Н. А. Курс общего международного права. Пг., 1918. С. 20 («Мартенс считается родоначальником историко-позитивного направления международного права»); Becher L. J. J. Moser und seine Bedeutung für das Völkerrecht. Würzburg, 1927. S. 68; Оппенгейм Л. Международное право. М.: Гос. изд-во иностр. лит.-ры, 1948. Т. 1, п/т 1. С. 108; Левин Д. Б. История международного права. М.: Изд-во междунар. отн., 1962. С. 56—57 (Мартенс «в гораздо большей степени придерживается историко-позитивного направления, чем естественно-правового») и др.

³ Грабарь В. Э. Г. Ф. Мартенс//Энциклопедический словарь/Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Спб., 1895. Т. 36. С. 690.

⁴ Martens G. F. Précis du droit des gens moderne de l'Europe, 1858. Т. 1. P. 29.

⁵ Op. cit. P. 32.

⁶ Op. cit. P. 34.

⁷ Op. cit. P. 44.

⁸ Гроций Гуго: О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М.: Гос. изд-во юрид. лит.-ры, 1956. С. 44.

⁹ Martens G. F. Précis. P. 201.

¹⁰ Becher L. Op. cit. P. 52—53.

¹¹ Moser J. J. Versuch des neuesten Europäischen Völkerrechts in Friedens- und Kriegszeiten, vornehmlich aus denen Staatshandlungen derer Europäischen Mächten so sich seit dem Tode Karl VI im Jahre 1740 zugetragen haben. Frankfurt, 1777. Bd. 1. S. 12.

¹² Lebens-Geschichte Johan Jacob Mosers von ihm selbst beschreiben. Frankfurt und Leipzig, 1783. Bd. 4. S. 128 u. a.

ФИЛОСОФИЯ БИОЛОГИИ: ОТ КАНТА К ГЕГЕЛЮ

С. В. Корнилов

(Калининградский государственный университет)

Разработка концепции внутренней целесообразности — одна из связующих тем немецкой классической философии от Канта к Гегелю. То, что он идет вслед за Кантом в трактовке органической природы как мира целенаправленных организмов, неоднократно подчеркивалось самим Гегелем. Он отмечал, что основоположник критической философии покончил с роковой ошибкой старой телеологии, состоявшей в признании внешней определенности целевых отношений в живой природе, в рассмотрении их с точки зрения плоской полезности. Вместе с тем кантовская философия представляла собой несовершенное разрешение проблемы жизни, так как «придала целесообразности статус лишь субъективной максимы. Гегель считал, что в его органической физике этот недостаток преодолен, «снят» в соответствии с общей логикой развития мышления, которое через абстрактные и односторонние моменты понимания объекта приходит к постижению всеобщего. Гегелевская позиция в понимании развития науки и философии — своеобразная разновидность кумулятивизма, рациональный смысл которого состоит в фиксации пре-